

Николай Бирюков

Человек, упавший с балкона

Николай Бирюков
Человек, упавший с
балкона. Детектив,
мистика, любовный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23685925

ISBN 9785448503849

Аннотация

Книга представляет собой смесь нескольких жанров — приключения, криминальные разборки, детектив, фантастика, мистика, политика, содержит элементы любовного романа. Предназначена для самого широкого круга читателей.

Содержание

...Цепь реальных и нереальных событий.	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	24
глава 5	26
глава 6	32
глава 7	37
глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Человек, упавший
с балкона
Детектив, мистика,
любовный роман**

Николай Бирюков

© Николай Бирюков, 2017

ISBN 978-5-4485-0384-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все виды строительных работ
для частного и промышленного
сектора.

Монолиты и фундаменты любой
сложности.

Комплексная уборка и гигиена
территорий.

Ландшафтные работы.

Благоустройство, озеленение.

Ремонт квартир. Отделка
сайдингом частных домов.

www.russtroi-sk.ru

+7(495)983-10-40

russtroi@yandex.ru

...Цепь реальных и нереальных событий.

Все диалоги между уголовными элементами даны в транскрипции обычного русского языка.

Мнения персонажей могут не совпадать с мнением автора.

Перепечатка книги, публикация отдельных ее частей или цитат, без письменного разрешения автора, запрещена.

Все права защищены.

Глава 1

С Натали я познакомился во время непродолжительного запоя.

Трое суток, сверкая спицами и звеня бутылками, моя колесница времен петляла между квартирами приятелей и алкогольными забегаловками, пока не прикатила в этот задрипанный бар.

Находясь в приятном состоянии «после третьей», когда тело становится легким, а душа веселой, я обратил внимание на девушку с чашечкой кофе, сидящую на высоком стуле за барной стойкой. Девушка была восхитительно красивой! Стройная фигурка, синие глазки, красно-черные бабочки, искусно выколотые на правой стройной ножке, копна волос цвета ржаной соломы!

Я, как гуляющий кот, оставив свою компанию, быстро переместился к ней.

Рассыпая шутки и комплименты попытался очаровать ангельское создание. Она ответила! О своих пьяных приятелях я тут же забыл.

Я угостил прелестное создание коктейлем, мы потанцевали, потом, выпив на брудершафт, перешли на «ты». Вечер был прекрасен! Натали казалась мне самым совершенством!

Около двенадцати ночи, перекрикивая громкую музыку,

я вызвал от барной стойки такси.

Мне было хорошо. Я чувствовал, что нравлюсь, втайне надеясь напроситься на «на чай с бубликами» (для несведущих поясню: *бублики – презервативы*), но, черт меня за язык дернул!

Придвинувшись, как можно ближе и проникновенно глядя в ее небесные глазки, я решил пошутить.

– А ты знаешь, прелесть моя, что у женщин два мозга?

– Нет! – Натали зарделась, ожидая очередного комплимента – И какие?

– Спинной и костный!

Удар был такой, что слетев с высокого барного стула я проехал пару метров по блестящему паркету. Натали исчезла. Закапанный моей пьяной кровью костюм, пришлось выкинуть. По этой же причине пришлось выкинуть и мою любимую шелковую рубашку.

Ссадина от бокала, разбитого на моем лбу, была похожа на третий глаз Шивы и заживала неделю. Эту неделю я пил чай с лимоном и тосковал.

Слава Богу, мне запомнился ее адрес – она его продиктовала, когда я вызывал такси.

Что такое шаг? Шаг – это движение, либо вперед – к любви и верности, либо назад – к ненависти и разлуке.

Я решился. Через неделю, когда мой лоб почти зажил, пришел извиняться.

Наталью я дождался смирно сидя на лавочке у ее подъез-

да.

Когда она подошла, встал, поздоровался, протянул ей букет цветов, извинился за пьяный юмор и пригласил на ужин в дорогой ресторан.

Наталья приняла цветы. Улыбнулась. Засыпала меня вопросами:

– Спасибо! Как адрес узнал? Ах, да! Сама сказала! Долго ждал? Как жизнь? Как дела?

Я замялся, не зная, что сказать.

Налетевший ветерок, словно играя, растрепал ее прекрасные волосы. Наталья посмотрела на качающийся от ветра кустик крапивы, растущий за лавочкой.

– Ветер! Сейчас причешет!

Затем, переведя взгляд на мой лоб, снова спросила:

– Ну, чего молчишь? Как дела?

– Ну... Как тебе сказать? Гордо или честно?..

– Если гордо?

– Сдал в печать новый сборник, жду ответа.

– Поздравляю! Приятно слышать! А честно?

– Очень хочу понравится самой красивой девушке нашей многомерной Вселенной и положить к ее ногам все, чем сам владею!

– И кто же эта счастливица?

Ура!!!

Я был прощен!

Мы стали встречаться!!!

Счастье...

Счастье – это не чемодан с деньгами, не дорогие кожаные диваны в крутых авто, счастье – это запах женского грудного молока и детских подгузников, перемешанный с теплой мелодией колыбельной...

Не знаю, как другие, а я считаю, что мы, мужчины, должны женщинам по жизни, хотя бы за сам факт своего рождения.

Младенца грудью не папа кормит!

Мы, мужики – совсем как дети, живем эмоциями, несбыточными желаниями, верой в светлое будущее, в свою необыкновенную исключительность. И не всегда можем трезво смотреть на мир сквозь призрачные стекла собственного эго.

Взять, к примеру, меня.

До сих пор не пойму, отчего я согласился на этот эксперимент.

Откажись я, может быть все сложилось бы по-другому?

Деньги...

Без них наша пестрая жизнь становится пустой и скучной.

Без денег хорошо живут только олени в тундре – там мох бесплатно растет, да обезьяны в джунглях – там бананы даром.

Из людского сообщества без денег легче всего обходятся «бичи» – (БИЧ – Бывший Интеллигентный Человек), а вместе с ними и люди Без Определенного Места Жительства – «бомжи».

Но у «бичей» и «бомжей» и жизненные цели другие – сдал в пункты приемки стеклянную и жестяную тару, наковырянную в ближайшей помойке, раздобыл на эти деньги водки или одеколona хорошего. Выпил. И спи себе спокойно в теплой картонной коробке! На качество продуктов обращать внимание не надо. Мыться не надо. За модой и за фигурой следить не надо. Духи, расчески, помады, лосьоны, гели и прочая глупая лабуда им не нужны! Многие из них прекрасно живут не только без телевизора, интернета и телефона, но и, даже без трусов и носков! Цель их жизни – теплые валенки с галошами и хорошая телогрейка! Такие люди имеют полную свободу от всех морально-этических норм и приличий! Но я более чем уверен, что в своих снах, похрапывая и пуская слюни в драное кашне, они грезят о власти и достатке, так же, как и абсолютно нормальные люди!

Вообще, кто сказал, что деньги – зло?

Мир создан на стремлении к богатству!

Скажу больше: деньги, наряду с колесом и электрическим проводом, являются одним из самых величайших изобретений человечества!

Это великая движущая сила! Это одновременно и двигатель, и топливо, и смазка любой разумной цивилизации!

Если деньги, как подаяние, с радостью принимает церковное лоно, значит, и греха они с собой не несут. Деньги, сами по себе, безгрешны. Их с одинаковой легкостью можно направить и на святые, и на преступные дела!

Но есть и обратная сторона: когда деньги становятся единственной целью земного существования, когда жажда богатства проедает мозг, плоть, врастает в кости, когда ради них идут на предательство, подкуп, преступление. Люди, заблевающие стяжательством, начинают думать, что они имеют право творить все, что захотят. Рассказы о том, что уходящий на небо берет с собой не толстый кошелек, а душу, богатую праведными делами – бесполезны!

Неукротимы человеческие грехи рожденные потребительством! Жадность, скаредность, бездушие, хитрость, подлость, подкуп, коррупция – все они рождены в наших легкомысленных душах именно жаждой богатства!

Всегда хочется вложив минимум, получить максимум. Но миллион из копейки не выжать, как ни старайся!

Счастье деньги приносят только в одном случае – когда они заработаны правдиво и непорочно.

Правдиво и непорочно...

Иногда кажется: займешь денег, возьмешь кредит, построишь какой-нибудь бизнес и жизнь станет, как рай земной! Но это далеко не так. Это обычное житейское заблуждение. Ведь что такое кредит? Кредит – это, когда не зарабатываешь, а отработываешь! Поэтому построить свое светлое будущее на частных долгах и банковских кредитах очень сомнительно и маловероятно, но стремление к успеху таково, что напрочь заглушает любое движение разумной мысли! Отсюда и злость, и зависть. Конечно, про другого плохого не скажешь – себя хорошим не почувствуешь! Но грамотно хаять чужое – это искусство, это – реклама, без которой, как ни старайся, опять же, денег не зарабатываешь!

Противовесом денег являются совесть и порядочность.

Таков уж наш мир, выстроенный на военно-торговых отношениях не только между людьми, но и между государствами, а скоро и между планетами!

Инопланетяне тоже придут сюда торговать. Некоторые товары им выгоднее будет продавать на Земле, чем у себя или на других, уже освоенных ими планетах. И придут они к нам не тогда, когда у человечества появится просветленное сознание, а тогда, когда мы дорастем до того уровня, который позволит понимать, покупать и использовать инопланетную технику в своих личных целях! Так что, рекламодатели и торговцы – ждите скорого нашествия более развитых иноземных цивилизаций – в первую очередь они придут к вам!

Глава 2

...Предложение поучаствовать в эксперименте пришло по электронной почте с адреса psiho-psiho@russ.psiho.com – меня заинтриговало сочетание psiho-psiho, и я открыл письмо.

Обычно я неизвестных писем не раскрываю – компьютерный вирус не гонорея – уколом не вылечишь.

Но это, почему-то, открыл.

К письму был прикреплен файл.

...Письмо, вложенное в файл, было сухим и скучным. Оно гласило:

Россия, Москва.

02/07/2014 г.

Уважаемый! (Это я, значит, уважаемый! И по имени – отчеству, приятно!) Нашей лаборатории, занимающейся изучением некоторых особенностей человеческого мозга, нужен поэт для двухнедельного эксперимента. Оплату гарантируем. Сумма: (О-го-го! Нормальная сумма!) 50% в момент заключения договора, 50% – после выполнения всех условий.

В случае согласия просим Вас позвонить по номеру:
+7 (495) *** ** **;

Генеральный директор экспериментального центра
«Psiho-psiho» Козырев П. П.

Подпись: (непонятные каракули)

Круглая печать.

От увиденной суммы мой мозг полностью отключился и я не подумал о том, как и где, люди, приславшие мне предложение раскопали e-mail, используемый мной строго для переписки с издательствами, в отличие от другого, рабочего, доступного всему миру. Это, конечно мелочь. Но несколько подозрительная мелочь.

Еще меня несколько покорило то, что сумма была указана в долларах – мы в России живем или где? Но, трясаясь в нетерпении от свалившегося на меня счастья, я позвонил...

...Лаборатория занимала два небольших двухэтажных здания в одном из московских дворики.

Центр Москвы напоминает старую деревню с каменными купеческими домами, выросшими из-под земли на узких извилистых улочках, по которым едва могут разъехаться пара встречных машин.

Свою машину я брать не стал – поехал на метро. От метро до лаборатории, как и было сказано, примерно 10 минут обычным шагом. Найдя нужный адрес, я увидел заурядный забор с узкой калиткой и большими воротами. Забор, ворота и калитка были грубо сварены из толстых металлических прутьев и окрашены черным кузбасслаком. За забором весело шуршали зеленой июльской листвой, несколько кленов.

Вывески с названием центра я не заметил. Зато на воротах висело предупреждение, написанное красным фломастером на белом куске пластика «Машины у въезда ворот не парковать! Здесь работает эвакуатор!» – воистину, велик русский язык! Как не коверкай – смысл понятен!

...Приняли меня, как и договаривались, ровно в четырнадцать ноль-ноль. В небольшом прохладном кабинете присутствовали двое: непосредственно сам генеральный директор и его заместитель, представившийся администратором.

Оба были лысые. Разница между ними была только в том, что администратор имел вид спортивный и подтянутый – манерами похож на бывшего офицера, а директор был какой-то рыхлый, с небольшим, но уже хорошо обозначенным, торчащим вперед животиком. У обоих на переносице висели большие очки в коричневой роговой оправе. У обоих были нежные, не знавшие ни промасленного гаечного ключа, ни сучковатого черенка лопаты, руки. Холеные ногти. И тот и другой были в длинных белых медицинских халатах. Черные туфли. Черные брюки. Братья, что ли? Впрочем, в та-

ком же хрустящем черно-белом наряде был и охранник, впус-
тивший меня в здание и рыжеволосая премиленькая сек-
ретарша, сидящая за большим столом в приемной. Толь-
ко халатик у секретарши не был застегнут до самого верха,
а на стройных ножках, вместо скучных черных брюк, сек-
суально искрились капроновые чулочки-сеточки. Туфельки
были красненькими, на высоком каблуке! А декольте, обна-
жающее большую, пышущую здоровьем грудь, на которой
не висел, а скорее лежал, меж редких эротических веснушек,
миниатюрный золотой крестик, выглядело довольно риско-
ванно и соблазнительно. Я, косясь на ее ножки и грудь, чуть
глаза себе не сломал! Если часто ходить мимо таких дам, то
запросто можно косоглазие заработать!

Кстати: секретарша тоже носила очки – тоненькие, золо-
ченые. Эти тоненькие очки придавали ей невыразимый сек-
суальный шарм!

Глава 3

...Скучным голосом директор произнес нудную тираду. Меня сильно раздражало, то, что каждое предложение директор начинал со слова «Что».

А сказал он примерно следующее: что он только что прилетел из Оклахомы. Что в США, Китае, Японии и даже в просветленной Европе идут такие же эксперименты. Что они очень рады сотрудничеству. Что никакого физического воздействия, унижения, ненужных и неприятных вопросов и осмотров, никаких уколов, психотропных средств, наркотиков, таблеток, микстур и другой дряни и гадости в отношении меня применяться не будет. Что ни к какому сексу меня тоже принуждать не будут. Что деньги не проблема, что, может быть, в дальнейшем, снова могут понадобиться мои услуги, что я должен сделать маникюр-педикюр и придти с короткими ногтями и с гладко выбритым лицом.

– С кем придти? – автоматически переспросил я.

– С гладко выбритым лицом! – Директор недоуменно посмотрел на меня и продолжил свою тираду, не забывая начинать предложения со слова «что»: что я должен принести с собой комплект свежего нательного белья, что я узнаю о цели эксперимента только в ходе его выполнения. Что в течение двух недель я не смогу пользоваться средствами связи. Что у меня не будет радио, телевизора, планшета, компа, смарт-

фона и телефона. Что я не смогу работать, не смогу записывать свои мысли и пришедшие мне в голову новые строчки, фразы, тексты и темы. Что не смогу вести дневник, играть на гитаре, синтезаторе и других музыкальных инструментах, но петь можно любые песни, даже частушки с матом. Что мне предстоит прожить эти две недели у них в центре под наблюдением специалистов. Что, кроме этого, я должен подписать соглашение о неразглашении своего участия в эксперименте. Что тайна должна быть сохранена в течение двух лет. И, наконец, что деньги могут быть выданы наличными, или зачислены на мою банковскую карту – в случае согласия на участие, разумеется.

Сумма, как я уже говорил выше, была значительной. Я еще относительно молод. Да и что такое две недели без водки и женщин? Мелочь! Две недели без похмельных синдромов, без пьяных драк в барах, без бессонных ночей над текстами, без вечных разборок с любовницами и с друзьями любовниц. Без муторного обзвона редакций и музыкальных студий. А то сидишь целыми днями на телефоне, и клянчишь, как попрошайка на паперти: – Напечатайте стихотворение... Купите песню...

Да это предложение – хорошо оплачиваемый отпуск!

...Когда я читал договор, то меня немного смутило время эксперимента – триста тридцать шесть часов. На мой, естественно возникший, вопрос, почему время указано в ча-

сах, а не в сутках, ведь дата начала и окончания проставлены? – администратор вопросительно посмотрел на директора, на что директор рассеянно ответил:

– А суток у Вас, уважаемый, не будет – только часы, а, скорее, минуты. Да и какая Вам, извиняюсь, разница?

Ответ, в принципе, меня устроил, и я недрогнувшей рукой подписал договор.

Директор нервно выхватил документ у меня из рук, суетливо подписал оба экземпляра договора, сунул мне мой. Затем сказал, что пятьдесят процентов гонорара, за вычетом налогов, будет переведено на карту немедленно, что завтра с утра меня ждут здесь, и выбежал из кабинета. Казалось, он был страшно доволен нашей сделкой. Конечно, откуда мне было знать, что то, что они выплатили мне и другим таким же подопытным, составляло едва ли половину суммы, которую присылали заказчики!

Но оставим чужую совесть в покое. Известно, что быстро разбогатеть могут только мошенники.

Я, как и многие мои соотечественники, может, тоже хотел бы быть таким веселым, везучим мошенником, но, увы, не судьба!

...Много лет назад, выпивая теплым июльским вечером на подмосковной даче у одного из моих многочисленных приятелей, мы, приняв на грудь изрядную долю пива и коньяка, решили перетащить с соседнего, давно брошенного

хозяевами участка, остатки сарайчика. Эти остатки одиноко возвышались среди зарослей одичавшей малины. Они представляли собой большую металлическую раму, собранную на болтах из двадцать пятого уголка. Доски, которыми была обшита эта рама, давно сгнили, а уголок, выпущенный еще в советское время, выглядел вполне прилично – ржавчины на нем было совсем мало, и он весело блестел под солнцем. Взяв ножовку по металлу, молоток, гаечные ключи, одев на руки белые хлопчатобумажные перчатки, мы зашли на соседский участок – благо забором он огорожен не был. Но, как только приступили к разборке этой злосчастной рамы, то, как призрак из могилы, пред нами возник хозяин, который не появлялся здесь долгие восемь лет! Именно сегодня ему приспичило привезти сюда покупателей, желающих приобрести этот мелкий, никчемный, заросший непонятно чем, клочок заброшенной земли! Мой приятель, мгновенно протрезвев, на ходу придумал объяснение: – мол, он хотел спрятать от дачных воров ценное железо, чтоб потом передать его соседям в целости и сохранности, и тут же пригласил всех к себе на коньяк с шашлыками. Нам повезло. Внявший объяснению хозяин, чем-то похожий на боксера-депутата Николая Валуева, морды нам бить не стал, и отпустил с миром. А я тогда понял – мне воровать нельзя. Впрочем, мой приятель сказал мне почти то же самое: «Жаль, но нам с тобой всегда придется жить честно! Представляешь? Всю оставшуюся жизнь – честно!» Он произнес это так, как буд-

то только что похоронил у себя в душе что-то очень важное и величественное.

...Короче, так, как поступил я, подписав договор, не особо задумываясь о последствиях, поступают те, кто из-за своей торопливости вечно делает оплошности. Те, у кого наблюдается вечный дефицит ума и денег. Но кто думает о таких мелочах в момент получения крупного аванса? Вот и я, довольный, как жирный хомяк с зерном за щекой, думал не о том, что меня ждет в ближайшем будущем, а о том, как, где и с кем я буду тратить честно заработанное! Даже не тратить – транжирить и пропивать!

У меня мысли не мелькнуло положить средства в банк на депозит под хорошие проценты или вложить в бизнес, купить каких-нибудь акций – нет!!! – транжирить и пропивать! Как будто это и есть главная цель нашей суетливой жизни!

...Если верить древним мудрецам, то мои ошибки нужны Вселенной. Но меня волнует вопрос, почему Вселенной их нужно так много? Ведь радостей в жизни нам выпадает намного меньше. С одной стороны, Вселенная заставляет нас делать оплошности, чтобы что-то там у себя подпитывать этой ошибочной энергией. С другой стороны мудрость Вселенной говорит, что мы пришли в этот мир, чтоб радоваться, а не страдать. Значит ли это, что энергия от моей радо-

сти не такая вкусная и питательная, как от ошибок и страданий? Или надо искать радость в страданиях? Радуйся, страдая? Страдая, радуйся? Радовался ли Христос, висая распятым на кресте за то, что принял на себя грехи тех, кто его казнил? Или генерал Карбышев, когда его до смерти, на трескучем морозе, фашисты поливали ледяной водой за то, что он отказался предать собственный народ? Нет, конечно. Это алогично. Как-то неправильно. Если иначе, то мазохизм какой-то получается.

Глава 4

...Предупредив соседей о том, что я уезжаю на Камчатку в творческую командировку и проведя очень интересную, пусть и пьяную, но содержательную ночь с Натали – красавица, от которой я получил в баре по лбу, оказалась поэтессой НМ (Натальей Меттер), я явился в лабораторию.

Парикмахерскую и педикюрный кабинет я тоже посетить не забыл – миловидная педикюрщица смирila меня презрительным взглядом и сказала «Фи!» Но процедуру провела. Я тоже не люблю слов начинающих на «пед» – что подделать? – такой уж я гомофоб!

Кстати, меры безопасности я принял. Утром, с трудом оторвавшись от НМ и отправив ее домой, оставил на кухонном столе копию договора с «Psiho-Psiho» и записку с пояснениями, где и как меня искать, если что. При этом я никому не оставил ключей от своей уютной холостяцкой квартирки.

Вообще, поведение нашей памяти иногда бывает очень странным. Например, никто никогда не съест вареного яйца вместе со скорлупой. Самый отъявленный склеротик не забудет сначала очистить мандарин или банан, и только потом его скушать. А в жизни такие моменты происходят сплошь и рядом! Ведь, если что, если я пропаду, сгину где-то безвременно, если почки, печень, и другие запчасти, добытые «черными трансплантологами» из моего организма, продадут ка-

кому-нибудь богатому европейцу, японцу или американцу, то что толку от записки, которую увидят слесарь, судебный пристав и участковый, взломавшие двери моей уютной квартиры по требованию управляющей компании, не из-за моего долгого отсутствия, а из-за накопившихся коммунальных долгов...

...О том, что я подарил НМ связку ключей от своей квартиры, я вспомнил много позже. А именно ей, по некоторым личным причинам, я особенно не хотел говорить куда исчезну на две недели.

глава 5

...Жить эти две недели я должен был в здании, стоящем рядом с офисным. С виду обычный двухподъездный двухэтажный кирпичный дом, выкрашенный снаружи желтой меловой краской. Но, когда мы туда вошли, то надо было сначала, одев бахилы, спуститься по довольно крутой лесенке на три лестничных пролета! Спустившись и посмотрев вверх, я удивился – потолка не было, только где-то высоко, под самой крышей, переплетались стальные ажурные перекрытия.

В огромном помещении не было ни перегородок, ни каких-либо стен, разделяющих это подземное пространство. Чадя перегаром и помахивая в такт своим шагам пакетом со свежим бельем, я зашагал по блестящему полу необъятного ангара. На гладком, как лед полу стояли четыре огромные серебристые барокамеры. Размер их поразил мое невыспавшееся воображение! Метров десять в высоту и столько же в длину! Какая-то космическая лаборатория! С потолка к этим барокамерам спускался ворох разноцветных проводов. Как будто огромный, жирный паук с большими черными глазами развесил над гигантскими цилиндрами свой паучий невод, в надежде поймать несчастную жертву. В один такой цилиндр, под номером три, я, вслед за администратором вошел, поднявшись по небольшой лесенке.

Внутри была небольшая прихожая, в которой стояла аппаратура непонятного мне назначения. Администратор нажал какие-то кнопки, впереди бесшумно открылась дверь.

...Комната, в которую меня привел администратор, была нестандартной – мы оказались внутри пирамиды. Комната была большая и светлая. Чистая, как свежесвыпавший снег, но без окон. Синий хирургический свет падал из углов комнаты – там, видимо, были спрятаны лампы. Дверь, ведущая в комнату, была сдвижной, я сразу обратил внимание на то, что дверь закрывается заподлицо, – на ощупь найти выход было бы невозможно – все пригнано идеально гладко. Несколько удивило, что и стены, и дверь, и пол были залиты толстым слоем мягкого прозрачного пластика. Пластик мягко пружинил под ногами. Зачем? Это же не сумасшедший дом? Или предполагалось, что я буду биться в истерику?

В самом центре стояла большая квадратная кровать, представляющая собой один громадный матрац. Из углов кровати вверх тянулись металлические треугольные грани, залитые таким же, как и стены, и двери мягким прозрачным пластиком. Матрац этот, казалось лежал прямо на полу – никакого пространства между полом и кроватью не было.

Кровать и грани, тянущиеся из кроватных углов, образовывали собой пирамиду без стенок, точнее, кровать и грани повторяли геометрию комнаты – получалась такая двойная пирамида, одна в одной – углы прикроватных граней точно

смотрели в углы комнаты.

Пластик на полу был пупырчатый. Странно. Здесь часто ходят босиком? Шкафа для одежды не было. Не было тумбочки и стульев – обычных атрибутов больничной палаты.

У одной из стен стоял невысокий металлический шкаф, похожий на холодильник. Верхняя часть его уходила в косую стену. Рядом с холодильником, левее, стоял унитаз. Еще левее стоял умывальник. Унитаз и раковина не были отгорожены от остального пространства комнаты. Почему?

...На кровать был натянут белый льняной чехол – ни единой морщинки. На самой кровати лежало несколько разно-размерных подушек и две пары одеял.

Наволочки на подушках и пододеяльники на одеялах были крепко зашиты. Еще там лежал большой пакет из толстого пластика с клапаном на боку, в такие пакеты укладывают одежду на хранение, выкачивая из них воздух пылесосом. Администратор подвел меня к шкафу, похожему на холодильник. Открыл дверку. На верхней полке стояли бутылки с водой. Крышечек на бутылках не было – были соски. Вторая полка была закрыта мощной дверцей – за этой дверцей находились два прозрачных тубика из мягкого пластика – с едой. Еда в них была, как густая сметана. На вид – откровенная гадость. На третьей полке стояли два корытца – в одном находились ломанные на маленькие кусочки шоколадные плитки, в другом – сухарики. Внизу находился пустой ящик – для использованных бутылок. О пиве я даже

и заикаться не стал – очевидно, что не дадут.

...Администратор сказал, что когда бы я ни подошел к холодильнику, на второй полке всегда будет еда в тубиках – не горячая, но и не холодная – чуть выше комнатной температуры.

Потом он подвел меня к унитазу. О том, почему сантехника не отделена от остального пространства перегородкой, я и спрашивать не стал – итак понятно, что буду один. Да и думал я в тот момент о том, чтобы скорее остаться в одиночестве, попить водички и с похмелья улечься спать на такой огромной, шикарной, мягкой, соблазнительной, как аппетитная девушка, кровати. Вот бы сюда мою НМ со своими татуировками! Одни бабочки на коленке чего стоят! – вихрем пронеслось у меня в голове.

...Администратор проинструктировал меня о назначении кнопок и продемонстрировал в действии: нажимаем квадратную – на дно ложится большой кусок бумаги, после совершения всех нужных дел нажимаем на круглую – прямо в задницу ударит струя теплой воды. После омовения нажимаем на треугольную – все смоеется и в воздух будет выброшен ароматизатор. Рядом с унитазом, на стенке, была еще одна большая кнопка – при нажатии на неё из узкой щели выезжал длинный кусок бумажного полотенца.

Как в Турции! Ну, да ладно. И в ледяной тундре, в пургу, люди нужду справляют! А тут тепло и ветра нет! Привыкнем!

Руки мыть – на умывальнике такие же широкие кнопки: квадратная – даст каплю мыльного раствора, круглая включит теплую воду на 10 секунд. Периодичность включения кнопок с водой не ранее, чем через 20 секунд. Странная периодичность, подумал я – чтоб не захлебнуться, что ли?

Больше ничего сказано не было. Администратор вежливо попросил меня раздеться полностью – догола. Взамен ничего не предложил – ни трусов, ни ночной рубашки, ни кальсон. Я разделся и завернулся в одеяло – не в бане, в голом виде перед мужиками расхаживать! Хотя он на меня и не смотрел. Администратор сложил одежду в пластиковый пакет (вот для чего он тут находился!), перетянул его липкой лентой. Вытащил из кармана халата фломастер для нанесения надписей на стекло и пластик, расписался в месте соединения ленты и дал расписаться мне. Понятно: когда я выйду, смогу проверить, лазил туда кто-нибудь или нет. Это радовало! Еще он посоветовал мне внимательно присмотреться к расположению предметов, находящихся в комнате. Потом забрал запечатанный пакет с одеждой, пакет с моим свежим бельём и вышел – дверь бесшумно заползла в пазы. Я, путаясь ногами в одеяле, подошел к холодильнику, взял бутылку с водой. Присосался. Вода была теплая, но пить можно. Вернулся к кровати, присел на нее – мягко! Еще попил. Прилег. Поставил бутылку на пол подальше от края кровати, но так, чтоб не вставая можно было достать рукой. И, в этот момент, в комнате погасли лампы. Перед глазами вспыхнуло слепя-

щее пятно, – так бывает, когда резко выключают свет – в глазах еще несколько секунд рябит. Я, было, разорался, но вдруг вспомнил, что администратор не сказал мне главного – как связаться с обслуживающим персоналом, если что!

Наш язык, несомненно, придуман высшими силами: слова – это кнопки, при помощи которых можно управлять человеком. Язык все время меняется, но суть новых слов остается прежней – дергать в душе человека определенные струнки, вызывая в сердце отклик тех или иных чувств! Даже больной арестант, сидящий в камере смертников, может воздействовать на нервную систему самого злобного, тупого охранника при помощи слов. Например простейшая фраза: «Ты дурак!» запросто возбудит любого вертухая на определенные действия. А здесь мне на кого воздействовать? Куда я попал? Пока тихо и тепло, но, что меня ждёт дальше?

Неизвестность и слона пугает!

глава 6

Какая сила заставляет нас не просто существовать, а что-то делать? Жадность? Упорное желание доказать всему миру, что ты лучше всех? Желание покрасоваться? Упрямство? Не знаю. Про везение не говорю – везение вещь интимная. Но, обычно, как себя ведешь, так и живешь!

...Когда у меня идет мыслительный процесс, мне кажется, что мысли копошатся где-то посредине между теменем и лбом, под верхней черепной крышкой. Но иногда меня обуревают сомнения – мысли ли там копошатся? Может это какое-то неизвестное и невидимое нам устройство, типа плейера, которое просто проигрывает мысли, заранее кем-то записанные? А мы эти мысли принимаем за свои и совершаем заранее предписанные нам действия? Ход действий, совершенных мной, привел к тому, что я, в центре Москвы сижу абсолютно голый в офисе у неизвестных мне людей. И если что-то со мной случится, то родные и близкие ничем помочь мне не смогут – они просто никогда не узнают где, когда и как я канул в бездну вечности!

Я каким-то тридцать шестым чувством понял, что света не будет все триста тридцать шесть часов эксперимента. Если бы мне сказали об этом заранее, я бы ни за что не согласился. Даже за более крупный гонорар. Зачем нужны деньги, которые потом уйдут на лечение? Четырнадцать дней пол-

ного бездействия в крошечной тьме навсегда могут сломать психику. Полностью с ума не сойдешь, но никтофобия может резко усилиться танатофобией и тогда крапты! Вечная депрессия и страх. Навязчивые неэтичные образы и странные идеи, не связанные с реальностью. Это приговор – до конца дней спать при свете или с включенным телевизором. Апатия. Ненависть к самому себе. Неизлечимая импотенция, основанная на черных мыслях, что жить не стоит: все равно «все там будем», что жизнь – это боль и зачем тогда мучить этой жизнью себя и собственных детей? Тут и до суицида недалеко! Захочется отомстить своей смертью всем живущим – чтоб сожалели потом о том, кого потеряли! Или попытается посмотреть – «Что там?» – и не удержится! Да и мало ли, какой невроз может развиваться у человека, постоянно находящегося в крошечной тьме?

Человеческое тело – генератор эмоций. Горе, радость, страх, сомнения, счастье – это эмоции, которые наше тело, точнее, наш мозг, выплескивает из себя в огромных количествах. Может быть, мы сделаны для того, чтобы кормить этими эмоциями души умерших людей? И что-то или, кто-то, живущее в невидимом для нас мире, заставляет нас делать те или иные вещи, за которые бывает иногда очень радостно и светло, а, иногда страшно, горько и стыдно? Страх и ненависть – очень сильные чувства, они сильнее, чем тихое ликование или глубокое умиротворение и, видимо, страх, боль, отчаяние – для этих потусторонних гурманов идут на обед,

как первое блюдо, горе и боль – как второе, а безответная любовь, из-за которой, в приступе слепого отчаяния, подростки вешаются или бросаются с высоты – сладкий компот на десерт! Еще в древнейших текстах есть упоминания о таких сущностях, питающихся теплом человеческого тела и его эмоциями. Сущность – это внутренне содержание предмета. Живое ли оно? Мертвое? Доброе? Злое? Настырное и наглое или помогающее нам в нашей нелегкой земной жизни? Может быть эти сущности-призраки живут везде? – в дверных ручках, в замках квартир, в чемоданах, автомобилях, сараях, гардеробах и комодах, охраняя границы своих закрытых пространств. Они живут в одеялах, которыми мы укрываемся, в простынях, на которых спим, в чашках и тарелках, из которых мы пьем и едим. Они в стенах, гвоздях, бутылках, пробках, журналах, картинах, колесах, нитках, шнурках, резинках, в нижнем белье. Они приходят к нам в сны, пронизывают собой пространство, они бесконечны во времени. А мы им нужны для того, чтобы без конца производить человеческие эмоции. И, когда мы умрем, когда войдем в их мир, то, может быть, сами станем такими же призрачными вампирами? Может из-за этого и бесконечны на Земле ложь, предательство, интриги и войны – чем больше страданий, чем больше умирает людей, и, чем больше наших душ переселяется в иной мир, тем больше нужно этой эмоциональной энергии.

Так бывает: прицепится запредельная гадость к человеку

и сосет из него удачу, про таких говорят: «Все из рук валится!» – заставляет его мучиться от неудач, психовать, завидовать, распылять негатив, который с радостью пожирается этой невидимой сущностью.

Борьба с ними одна: вести себя спокойно, поставить себе цели и, молясь Богу, упорно трудиться, пытаясь достигнуть намеченного.

...Я вспомнил страшное наказание, практикуемое в средние века: человека сажали в каменный шар с внутренним диаметром полтора метра – чтобы человек не мог полностью разогнуться. Через какое-то время все тело начинало жутко ломить! Начинались судороги, но возможности выпрямиться полностью не было. Были случаи, когда из-за судорог ломались бедренные кости. Через несколько месяцев сидения в такой камере, человек становился полным идиотом. Но в этих камерах какой-то свет был: там были, пусть и маленькие, и зарешеченные окошки на дверях! Понятно, что сделаны они были не для удобства заключенного, а для того, чтобы внутри мог заглядывать охранник. Но все равно: это был, пусть и слабый, но источник света! И еще – в этих ужасных камерах не было тишины!

Вообще, в любой тюремной камере есть окошки. Даже изощренные европейские инквизиторы не додумались сажать людей в темные камеры, может из-за того, что сделать на сто процентов камеру темной, как могила, не было возможности? А может из-за того, что у них не было особо мно-

го времени наслаждаться мучениями жертвы? На дыбе пытать и быстрее и проще. Скорее всего, психические нарушения для святой инквизиции и за мучения-то не считались! Когда тело страдает, то вся наша нежная психология уходит куда-то на задний план!

Дыба – это не инструмент средневекового лекаря-ортопеда. Это приспособление для получения палачами садистского удовольствия от мук несчастной жертвы.

Психологи считают боязнь темноты нормальным явлением. Хорошо: значит, я не псих. Но смелее от этого я не стал.

С детства боюсь темноты!

Осторожность – признак разума. Страх – признак трусости. Трусость – это слабость и неуверенность. Хочешь быть сильным и смелым – дави в себе страх!

глава 7

...Темнота была полной.

Совершенной.

Наверное, и в мрачном склепе и в самой глубокой могиле такой нет. Перед глазами появились едва светящиеся, смутные изображения, напоминающие клочья ожившей, шевелящейся соломы. Я растопырил пальцы левой руки и поднес ладонь к самым глазам. Мне показалось, что я вижу контуры своей руки. Точнее, мне казалось, что я вижу контур. Скорее, это был не контур, а, как будто на ладони, затянутой в черную перчатку, тонкими серо-голубыми линиями провели слабые, колышущиеся наметки по линиям костей пальцев. Даже замотав голову плотным шарфом и поднеся руки к глазам, нам кажется, что мы видим такой контур – или более светлый, или более черный, чем сама темнота, но это иллюзия. Пришла мысль о слепых: как они так живут всю жизнь? А слепоглухонемые?

Кошмар.

А тишина? Это еще страшнее! Слух начинает выискивать звуки, которых нет. Звук тоже служит предупреждением об опасности и наш слух, на генетическом уровне, инстинктивно, отделяет опасные звуки, от обычных. А здесь ничего не слышно!

Темнота и тишина порождают страх.

Так и кажется, что вырвется из темноты когтистая лапа, ударит, утащит в огромную тараканью пасть и погибнешь ты в черном желудке страшного животного!

Интересно, а у слепоглухонемых возникает ощущение фосфена – это, когда в темноте перед глазами, возникают светящиеся точки, полосы, фигуры, появляющиеся самостоятельно? И у них в ушах тоже стоит странный гул, как сейчас у меня?

А может наши сны не более чем эффект фосфена? Ведь, закрой глаза, нажми слегка на глазное яблоко – вот тебе и эффект фосфена!

Но, слепоглухонемые уже рождены в таком мире, где нет света и звука. Они, не зная света, не знают ни никтофобии, ни клаустрофобии вместе с агорафобией – все равно ни черта не видят и не слышат. Им не надо напрягать то, чего у них и так нет – слух и зрение. Быть может они живут в постоянном страхе? Страх оступиться, упасть, обжечься, поскользнуться? Любой гад может подойти незамеченным и безнаказанно ударить такого человека.

...И все-таки, что такое страх? Осторожность? Или работа инстинкта, который, включая его в нашем сознании помимо воли, предупреждает о вероятности неожиданных, неприятных нам действий? А как возникает безотчетный страх? Это неоправданный психоз? Или предчувствие? Что чувствует смертник перед казнью? А на виселице? На эшафоте? Что

чувствует человек, прекрасно понимающий, что ему, сильному, здоровому, обладающему острым умом и прекрасной памятью, могущему принести немалую пользу и себе и обществу, через какую-то пару секунд отрубят голову? И что обратного пути нет. А ведь мозг сразу не умирает и значит, отрубленная голова человека продолжает воспринимать действительность, осознавать и обрабатывать информацию в те жуткие, короткие секунды, оставленные ей судьбой до момента полного прекращения всех мыслительных процессов. Чувствует ли она боль отделенного от нее тела? Я где-то читал, как в эпоху инквизиции какой-то врач, подкупив палачей, проводил эксперименты над людьми, которых казнили при помощи гильотины. Когда палачи сбрасывали тело несчастной жертвы и отделенную от этого тела голову под эшафот, он хватал эту окровавленную голову и, глядя той прямо в полные ужасных страданий глаза, отрубал у тела, еще несколько секунд назад составлявшего с этой головой единое целое, пальцы на руках, резал кожу ножом, прожигал раскаленной иглой ногти, — очень хотел понять: чувствует ли истерзанный, лишенный собственного тела человек, боль или нет. Отрубленные головы жили еще примерно минуту, что-то пытались шептать, затем взгляд их становился мутным, потом мертвым — что они шептали, разобрать врачесадист так и не смог. За эти эксперименты он сам был казнен. Нашел ли он то, что искал? Получил ли ответ на свои вопросы? Надеюсь, мы этого никогда не узнаем!

Проходит ли страх после казни? Ведь все уже свершилось! О таком и думать страшно. Даже черви крота бояться – а мы люди.

Страх меняет психику, а вслед за ней и образ жизни. Стокгольмский синдром – от страха и сильнейшего шока заложники начинают сочувствовать своим захватчикам-террористам. Начинают оправдывать их, уважать, чуть ли не любить только за то, что их не мучат.

В конечном счете, отождествляя себя с ними начинают понимать и перенимать их зверские идеи! И, что самое страшное – считать свою жертву необходимой и оправданной для достижения их террористической цели!

Смертников готовят точно так же – просто затравливают, запугивают, начиная обрисовывать всю неприглядность и несовершенство человеческой жизни, предлагая кардинально изменить эту несправедливость одним взрывом и преподнося суицид благом, несущим Рай.

Боль – не пряник. Но человек, обработанный опытными провокаторами, теряет связь с реальностью и думает не о тех невинных, чьи жизни унесет с собой, не о страшной боли, которая разорвет его тело в момент взрыва, а о том, что он – великое орудие провидения.

Что интересно, ни один провокатор сам смертником не становится!

...Стоит прикрыть глаза, и под веками начинают мелькать какие-то пятна света. Лучики, змейки, веточки, палочки, нитки, соломинки, яркие точки. Вот и сейчас началось: перед глазами, кроме тонких, перепутанных линий, стали вспухать какие-то оранжево-желтые шары и косые квадраты, поплыли синие зигзаги, появились хаотичнодвигающиеся мелкие красно-зеленые точки, то сталкивающиеся между собой, тодвигающиеся влево-вправо, вверх-вниз. Может быть, когда-то и Роберта Броуна, вот так же, благодаря случайности, оставившей его в полной темноте, эти фееричные картинки и натолкнули на мысль о броуновском движении? Мощного электронного микроскопа у него не было.

Такие точки и волнистые пятна света, напоминающие диаграмму, начинают мелькать у меня в глазах перед жесточайшими приступами мигрени, когда начинает болеть половина головы. Боли бывают такие, что правый глаз перестает видеть. Сказать, что боль вид чувства – ничего не сказать. Сухие академические фразы не передают все тонкости и грани этого страшного ощущения. От дикой головной боли так ломает все тело, что не повернуть шеи. Невозможно пить – каждый глоток отдается в голове страшным ударом, начинается тошнота. Просыпается ненависть ко всему сущему. Если на улице солнце, то голова болит еще сильнее и кажется, что солнечные лучи, проникая под череп через глаза и уши, плавят мозг. Исчезают все желания кроме одного: пусть боль скорее уйдет. Помогает только дикая смесь таблеток: три су-

прастина и две анальгина, запитые стаканом водки, коньяка или само- гона. Но, даже после этого жуткого лекарства, боль уходит не сразу. Она долго мечется внутри головы, цепляясь за нежные ткани своими острыми когтями и крепкими зубами. Самая удобная в этом случае, поза – встать на колени и положить голову правой щекой на мягкий стул или кресло так, как ее кладет осужденный на черную от забуревшей крови деревянную колоду перед казнью, обнажая свою шею для острого и тяжелого лезвия топора.

И даже потом, когда боль исчезнет, какое-то время чувствуется, где именно она сидела в голове – словно налегала себе в мозге уютное местечко, как мышь в соломе.

Я подумал про таблетки. Ничего не оставили. Ни но-шпы, ни анальгина. Ни валидола, хотя я его никогда не принимал и сердце, (тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!) у меня не болело, но почему-то мне стало без валидола и корвалола как-то скучно. А зубная щетка? – подумал я. Зубная паста? Может, просто забыли оставить? И что – ходить немытым? Небритым? А зуб заболит? А если чирей? А аппендицит? А панкреатит? Сердце? Страхи начали собираться в кошмар, но тут я вспомнил, что все-таки половину денег я уже получил, вторую получу через какие-то триста тридцать пять часов – час-то я уже всяко отработал! Постановил сам себе: будем держаться!

Как защитники Брестской крепости! Вспомнил: из защитников Брестской крепости остался в живых только один че-

ловек. Тогда как 300 спартанцев! – А из них вообще никого в живых не осталось! – услужливо подсказала мне моя память! Тыфу ты! Столько великих героев, а морально опереться не на кого!

Я умирать не собираюсь!

Я взял себя в руки, успокоился и решил поспать. Да и вообще, может это просто авария и свет через какое-то время включат?

...Я вдруг обрадовался тому, что давно бросил курить. Точнее, бросила курить моя печень – после одного из диких запоев она категорически перестала принимать никотин и другие составляющие табачного дыма: сейчас только стоит мне затянуться, меня неудержимо тошнит, причем долго и мучительно.

...Я лег на правый бок. Нашарил в темноте пару подушек. Ту подушку, которая побольше, обнял, навалившись на нее грудью, вторую положил под голову. Затем накрылся первым попавшимся одеялом (попалось теплое, стеганое), свернулся калачиком, как лис в норке, поерзал, устраиваясь поудобнее, и быстро уснул.

Спал я без снов – просто провалился, как это обычно бывает с похмелья или после бессонной ночи. А у меня, как раз и было и похмелье и бессонная ночь. Организм требовал отдыха – как после тяжелой работы. Через некоторое время я проснулся от того, что, что-то громко стучало. Бухало прямо в уши. Раздражало. То, что это звук собственного

сердца, я понял сразу, но, чтоб стучало так громко, никогда не слышал! Я читал, что так сердце стучит у нездоровых людей – либо гипертоников, либо, когда сердце берет на себя функцию какого-либо пораженного болезнью органа. В медицинской практике описаны случаи, когда сердце умерших от различных болезней людей было расширено в четыре раза! А еще бывает, что повышается адреналин. Один мой приятель жаловался, что его все раздражало и сердце стучало так, что он уже помирать собрался! Вылечился. При помощи коньяка и какого-то успокоительного. Пустырник пил, что ли? Или пустырник на коньяке? Не помню... Может, у меня тоже адреналин повысился? Тут же захотелось коньяка и пива с воблой...

Я открыл глаза – света до сих пор не было. Перевернулся на спину. Звук биения сердца стал тише. Но так лежать мне почему-то было неудобно. Вновь повернулся на правый бок – снова внутри тела истошно застучало сердце. Спать было невозможно. И что оно так бьется? Может, я заболел? Я был весь потный, жутко хотелось пить. Вообще, почему спохмела всегда одно и то же! Накроешься простынкой – моментально изойдешь потом, потому что станет жарко так, что хоть в ледяную прорубь прыгай! Откроешься – тут же мерзнешь, как цуцик, едва появившийся на божий свет!

Свет...

Свет бывает разный! Лучи, текущие от взрыва ядерной бомбы, испепеляющие все вокруг, тоже есть свет!

Пить хочу! Я долго лежал, пытаюсь сообразить, где находится шкаф с водой. Если бы этот шкаф был набит холодным пивом, я б его нашел интуитивно – по телепатическому посылу. А поскольку я этого не знал, то тяжело перекатился, шаря руками по кровати, чтоб нащупать край и не упасть. Сел. Встал босыми ногами на пол. Пластик, которым был залит пол, был теплым. Не горячий, но как раз такой, чтобы мои босые ступни судорога от холода не свела. С подогревом, значит? Но это не главное – черт с ним, с пластиком, но куда мне идти? Мы задаемся таким вопросом чаще, выбирая направление жизненного пути, чем направление необходимого нам движения, ведь, когда вокруг светло, то куда нести свое тело, мы и так прекрасно видим!

Я вспомнил, что оставил бутылку на полу, лег обратно на кровать и, переползая от края до края кровати, попытался ее найти, широко махая рукой в темноте. Не получилось. Слез на пол. Встал на колени, нащупал мягкую стенку матраса, уперся в нее правым плечом, чтоб чувствовать, что я на верном пути и пополз, шаря перед собой руками. В голове билась мысль: не дай Бог, что за мной сейчас кто-то наблюдает, например, в приборы ночного видения. Серьезный взрослый мужчина, абсолютно голый, на четвереньках ползает вокруг кровати в темноте! В голове пронеслась картина: фотография, выложенная в «Инстаграм», на которой я снят в этом непрезентабельном виде: чуть сбоку и сзади – голова на полу, задница высоко поднята, между ног висит и болта-

ется то, что и должно болтаться в этом месте у мужика, – миллион, да что там миллион – миллиард просмотров обеспечено!

Я задел бутылку, она упала и куда-то откатилась. Я взвыл от досады! Простейшая операция «попить воды» превращалась в тяжелую, требующую большого эмоционального, умственного и физического напряжения, работу.

Я пополз перпендикулярно кровати. Когда уперся в стенку, повернул налево и медленно пополз по периметру комнаты. Почему не встал и не пошел, осторожно ступая в темноте? Почему пополз? Черт его знает!

Раз угол. Ползу. Два угол. Ползу дальше. Три угол – только мне так не везет! А если вдруг понос прошибет?! Как быстро до унитаза добраться? А вдруг у них в планах слабительное в еду добавлять, а потом смотреть, как я комнате мечусь в темноте прижав к заднице подушку?

Наконец я уперся головой в холодильник. Встал. Открыл верхнюю дверцу. Мы привыкли, что когда открываем холодильник, в нем зажигается свет. От того, что этого не случилось, я был слегка шокирован и застыл на несколько секунд. Потом дошло: света-то нет! Ничего там внутри не зажжется! Ни лампочка, ни свечка!

Нашарив на верхней полке бутылку, я схватил ее и присосался к соске, как голодный младенец к материнской сисье. Вода была теплой и от этого безвкусной. Но я пил и пил, чувствуя, как жидкость наполняет обезвоженные алкоголем

клетки моего тела, возвращая силы, просветляя сознание, освежая мозг. Оторвался от соски. Перевел дыхание. Ощупью поставил бутылку на нужную полку.

Теперь туалет! Найти унитаз было легче: я хорошо запомнил, что если встать к холодильнику лицом, то вся сантехника будет расположена левее. Уселся. Удалил из организма лишнюю влагу. Нажал нужные кнопки. Ароматизатор был приятным: напомнил мне море и почему-то, черноморский дикий пляж — я тогда так влюбился, что готов был жениться!

Эх!

Где ты, моя гиперсексуальная юность?!!

С той поры прошло больше пятнадцати лет. Хорошая была девушка. Немного старше меня. В первый же, после знакомства, вечер, согласилась искупаться на отдаленном диком пляже в чем мать родила! Жалко, что дома ее ждали муж и двое детей. То, что она замужняя дама, меня только сильнее раззадоривало!

Я бы в жизни свою жену одну на море не отпустил. Даже в санаторий «гинекологию подлечить».

Я не массажист и не гинеколог, но мной, как любовником, она была очень довольна! Я был молод и крепок! Мы с ней встречались после пяти часов вечера, в приморских кафешках брали вино, фрукты и шли купаться на дикий пляж. Потом бегом в санаторий!

В то время в санаториях были свои порядки: ей надо бы-

ло вернуться до 21.00, как солдату к вечерней поверке! Свободное или «личное время» было с 17.00 до 21.00. На ужин можно было не ходить. Но все остальное время необходимо было проводить в санатории – осмотры и процедуры пропускать было ни в коем случае нельзя! Иначе могли выдворить, отправить домой и сообщить на работу, что такая-то выселена из медицинского учреждения за нарушение режима, выраженного в то-то и том-то. Это была катастрофа! Наказание было таким же, как за посещение вытрезвителя в качестве клиента: лишение премии, вынос разбора личного дела на профсоюзное, рабочее и партийное собрания (даже для беспартийных!) На партсобрании требовали рассказать, где была, с кем, почему задержалась. За этим следовали еще перенос отпуска на зимний период, лишение премии и тринадцатой зарплаты – короче, социалистический кошмар, который запросто мог закончиться разводом и потерей работы. Я бывал клиентом в советских вытрезвителях и помню, как за это наказывали.

Море...

Курорт...

...Как сейчас помню тот дикий пляж и «куст любви», весь обвешанный презервативами...

....Месяц-падишах на небосвод

Вывел на прогулку звезд-наложниц.

Он с собой любую уведет,
Из покорных выберет заложниц.

И никто не будет изнывать
От любви и зависти ревнивой!
Остальные, молча, будут ждать
Ночи, чтоб хоть на день стать счастливой!

Ну, а мы летим сейчас с тобой,
Над изменой, как над пьяной бездной!
Упиваясь сладкой высотой,
Неумной, терпкой, бесполезной...

Море, звезды, ветер, дикий пляж...
Ничего на свете нет чудесней!
Мы рванулись, как на бордаж,
Друг на друга с флибустьерской песней!

Понимаем: призрачный рассвет
Принесет лишь разочарованье.
Сокровенный выполнив завет,
Кончится курортное свиданье.

Нам приснится лета благодать!
...Зимними прохладными ночами
Мы супругов станем называть
Иногда другими именами...

...Я тогда написал несколько стихотворений. Ни одно

опубликовано не было. Коммунистическая партия строго блюла нравственность и районным газетенкам необходимы были не душещипательные стишки о любви, расставании и измене, а стихи и рассказы, утверждающие партийные и семейные ценности. Конечно, семья – основа общества, этого никто не отменял. Но сколько замужних дам среднего возраста, сварив борщ, нажарив котлет, досыта накормив свое семейство, помыв затем посуду и присев в кресло, чтоб немного отдохнуть перед стиркой и мытьем полов, мечтает о романтике? О рыцарях и олигархах, правящих миром и мечтающих о встрече с именно с ней. О благородных джентльменах, которых судьба сделала бандитами и которые грабят всех и вся только для того, чтоб бросить к ее ногам награбленное в обмен на минутную благосклонность? Мечтают о любви, которая закружит, затянет в омут, заставит забыть обо всем этом надоевшем рутинном семейном быте! Грезят о встрече, которая изменит всю жизнь к лучшему и уведет в заоблачные дали! Кто не мечтает о плавании на собственной яхте, о возможности жить на берегу теплого моря в собственном дворце? О том, чтоб быть богатым, независимым, свободным? Мне кажется, что нет людей, начисто лишенных желания стать сильными, знаменитыми, состоятельными и в будущем жить лучше, чем в данный момент. Все хотят денег, удовольствий и романтики перемешанной с крепким сексом – все, без исключения.

...Но это в сказках с хорошим концом все гладко, а в жизни – попробуй. Заработал непосильным трудом квартиру, машину, дачу, выплатил кредиты, глядишь, а тебе уже за восемьдесят! И младшие родственники твои ждут – не дождутся, когда ты покинешь эту грешную землю!

Я нащупал и снова открыл дверку холодильника. Ощупав его внутренности, бросил в нижний ящик пустую бутылку. Затем взял новую бутылку с верхней полки. Бутылок там было много, но воды в них было грамм двести – на стакан. Тяжело переводя дыхание, еще хлебнул водички. Хорошо запомнив, что прямо напротив холодильника, практически в трех метрах от него, находится кровать, я повернулся на сто восемьдесят градусов и решительно шагнул по направлению к ней.

На втором шаге я наступил на ранее потерянную мной бутылку, и, не удержав равновесия, грохнулся навзничь на пупырчатый пластик пола.

глава 8

– Ну и как там этот толстяк? Жив еще?

Директор научного центра «Psiho-Psiho» зашел в кабинет к своему заму, который выполнял по совместительству обязанности и заместителя директора и администратора – короче, был, как сейчас говорят, главным менеджером. Администратор сидел спиной к единственному окну, за большим офисным столом. На мониторе, стоящем перед ним, была видна комната с испытуемым. Цвет картинки был не ярким, зеленовато-мутным – прибор ночного видения не дает идеального качества изображения, но рассмотреть происходящее было можно. Директор обошел стол, протер краем халата очки, встал перед монитором и стал смотреть, как испытуемый в полной темноте ползет вдоль стены на карачках.

– Смешно.

– Да нормально все пока. – Администратор оторвался от экрана и посмотрел на директора – Привыкает. Я думаю, что если бы мы сказали ему об условиях, тоже не согласился бы. Видно, что ему деньги нужны: так торопился, что даже договор толком не прочитал! – Администратор потер ладонью свой блестящий лоб и продолжил: – Охрана предупреждена и если с ним что-то случится, вытащим и вылечим. Так что наш новый эксперимент начался! – повернувшись к дверям кабинета, радостно произнес: – А вот и Томочка!

Что привело Вас к нам, чудесная леди?

В кабинет, покачиваясь на стройных, длинных ногах, вошла секретарша. Она шла, как модель по подиуму, зная, что равных нет. Села на диван, закинула ногу на ногу – раскрывшиеся полы халатика и чулочки-сеточки подчеркнули прелесть ее прекрасных бедер. Она было очень красива – высокая грудь, покатые плечи, чувственные губы, жемчужные зубки, чуть вздернутый носик, рыжие кудряшки – не девушка, а ожившая эромечта!

Томочка засунула ладошки в карманчики халатика, и, опустив томный взгляд на свои коленки, спросила:

– Зарплата когда? Мне надо маме послать. Дайте сегодня. Я у вас тут побуду, не прикалывает в приемнике вашем одной по полдня сидеть. Скучно.

Администратор перевел взгляд на нее и рассеяно ответил:

– Всем нам всегда что-то надо. Завтра, завтра, дорогая моя!

Томочка встала, цокая длинными каблукками, подошла к окну. Посмотрела на улицу. Не увидев за окном ничего интересного, она повернулась к своим начальникам:

– Завтра? Шутишь! Не гони! Завтра суббота! Поворачиваясь, она, как бы случайно, задела своей крепкой грудью директора. Затем шутливо хлопнула изящной ладошкой администратора по спине и нагнувшись, поцеловала его в лысину.

Администратор автоматически потер ладонью место по-

целуя и проговорил через плечо:

– Тома! Опять помада на голове останется! Прошлый раз ты мне вот также поцелуйчиков наставила, а я в магазин без кепки пошел! Весь народ насмешил!

– Любовь не спрятать занавесью лжи и кепкой поцелуй ты мой не скроешь! – отшутилась Тамара. Увидев изображение в мониторе, широко открыла глаза, приподняла очки и, в удивлении отпрянув от экрана, спросила:

– Что за порнуха? Ретро, что ли? Вы что тут оба делаете?! На мужиков потянуло? Мама моя! Дорогой, тебе меня мало? – Снова приблизившись к монитору, присмотрелась – А! Да это же вчерашний мужик! Он в пирамиде уже? Сколько продержите? Он стишки пишет. Прикольный. И мне стишок оставил! – Томочка звонко рассмеялась, цокнула языком: – И по кайфу! «Хлопушка» называется!

Администратор снял очки, сложил их, и, близоруко щурясь, улыбнулся змеиной улыбкой:

– «Хлопушка», говоришь? Я у тебя сегодня утром в руках видел томик Николая Гумилева. – он громко и с выражением процитировал строки: – «Я знаю веселые сказки таинственных стран, про черную деву, про страсть молодого вождя. Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, и верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя!» Правильно я прочел? – после секундной паузы продолжил: – Вчера ты читала Зинаиду Гиппиус. А позавчера, если помнишь, весь рабочий день очень внимательно изучала «Нерв» Высоцкого –

как к экзаменам готовилась. Дома у тебя собралась целая библиотека из таких книжек. А твой e- book...

– Не выражаться тут здесь при мне! – откуда-то сбоку прогрохотал директор.

– Твой e-бук, – администратор продолжил, не обратив никакого внимания на директорское возмущение, – переполнен классикой. Мне, конечно, понятна тяга красивых женщин к высокому искусству. Но объясни нам пожалуйста, как можно читать прозу Андре Моруа или стихи Блока, и одновременно с этим калякать, как наркоманка в морфинилке? Ты что вчера ему сказала? Этому поэту, ты что сказала? Я, Тома, все слышал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.